

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

1868.

ОКТАБРЬ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Батковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Изданіе журнала Душеполезное Чтеніе, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПОПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*.

2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи.

3) Разказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви.

4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни.

5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію.

6) Очерки изъ священной географіи.

7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.

8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ.

9) Миссіонерскія записки.

10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ.

11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію въ Москвѣ: 3 р. с.; съ доставкою на домъ и съ пересылкою иногороднымъ 3 р. 50 к.; по той же цѣнѣ продолжается подписка на изданіе за 1867 и 1868 годы.

См. слѣдующую страницу обертки.

МНѢНІЕ ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ДАТЬ РАСКОЛЬНИКАМЪ
НЕЗАВИСИМЫХЪ ОТЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ІЕРАРХІИ СВЯ-
ЩЕННИКОВЪ.

(ПИСАНО ВЪ 1849 ГОДУ).

Нѣкоторые хотятъ дать ходъ сужденію по вопросу, не надобно ли дозволить раскольникамъ поповщинскаго толка имѣть независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, и для сего войти съ раскольниками Рогожскаго кладбища въ секретное сношеніе. Но во 1-хъ, удобно ли и благонадежно ли входить съ раскольниками въ сношеніе и переговоры объ условіяхъ, на какихъ могли бы они принять священниковъ?

Духовенству входить въ сношеніе съ раскольниками для ихъ вразумленія и предлагать имъ средства сближенія съ церковію, не только не препятствуетъ его характеръ, но это есть и обязанность его. Советѣмъ иное дѣло входить въ таковыя сношенія отъ имени правительства. Власть законная безъ предосужденія своему достоинству и благонадежно можетъ входить въ сношеніе, для соглашенія и договора, только съ такимъ обществомъ, которое законно существуетъ. А входить въ договоръ съ обществомъ отпавшимъ отъ законной власти и законнаго существованія не имѣющимъ, не довольно сообразно съ достоинствомъ законной власти и мо-

жетъ быть вредно, потому что незаконное общество, входя въ переговоры съ законною властію, чрезъ сіе самое нѣкоторымъ образомъ пріобрѣтаетъ характеръ признаннаго сословія и притомъ получаетъ сознаніе, что въ немъ видятъ довольно силы противорѣчить и противостоять, и такимъ образомъ оно сдѣлаться можетъ болѣе неуступчивымъ, нежели было до переговоровъ. Посему неудобнымъ представляется испрашивать Высочайшее дозволеніе на вступленіе въ переговоры съ раскольниками. Могущая оказаться съ ихъ стороны неуступчивость особенно неумѣстна была бы и не должна быть допущена при употребленіи Высочайшаго имени.

Въ предположеніи, чтобы переговоры съ раскольниками были секретные, нѣкоторымъ образомъ заключается признаніе, что гласность сихъ переговоровъ имѣла бы неблагопріятныя послѣдствія. Но сохраненіе тайны въ семъ случаѣ слишкомъ ненадежно. Допущеніемъ въ сношеніе раскольники будутъ интересованы сообщить о семъ сношеніи своимъ единомысленникамъ, и уже извѣстно по опыту, съ какою быстротою подобныя свѣдѣнія отъ немногихъ раскольниковъ распространяются между всѣми.

Притомъ предполагаемое сношеніе съ раскольниками не общаетъ открыть со стороны ихъ что-либо такое, что не было бы уже извѣстно. На какихъ условіяхъ желаютъ они имѣть священниковъ, сіе извѣстно изъ неоднократныхъ прошеній ихъ, правительствомъ неуваженныхъ. Если нужно, то можно пересмотрѣть извѣстныя уже ихъ предположенія безъ открытія новыхъ съ ними переговоровъ.

Извѣстно, что раскольники поповщинскаго толка желаютъ священниковъ дѣйствительно служащихъ въ епархіяхъ, или заштатныхъ принимать сами по своему усмотрѣнію, съ обязанностію дать о нихъ знать гражданскому начальству, и съ тѣмъ, чтобы принятые ими священники находились внѣ вся-

каго отношенія къ архіереямъ, судимы были за малыя вины самими раскольниками и ихъ же священниками, а за важныя вины раскольниками же отрѣшаемы были и отсылаемы къ православному епархіальному начальству. Къ сему необходимо присовокупить то, о чемъ раскольники предъ начальствомъ умалчиваютъ, но чего отъ священниковъ неотмѣнно требуютъ, именно, чтобы въ богослуженіи не именовать Государя Императора Благочестивѣйшимъ или Благовѣрнымъ. Не нужно изъяснять, какое въ семъ заключаютъ раскольники понятіе объ отношеніи Государя къ истинной по ихъ понятію вѣрѣ и церкви.

За симъ естественно слѣдуетъ другой вопросъ: должно ли дать раскольникамъ священниковъ на изложенныхъ теперь условіяхъ? По моему мнѣнію, не должно. И хотя въ подтвержденіе сего представлены уже мною прежде нѣкоторыя соображенія, однако по значительной важности предмета обязанностію почитаю представить еще слѣдующія:

I. Дать раскольникамъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы сіи священники перешли въ расколъ, очевидно было бы незаконно и вредно. Сіе признаютъ всѣ и потому нѣкоторые думаютъ найти средство, чтобы священники поступали къ раскольникамъ на вышеизложенныхъ условіяхъ, но въ расколъ не переходили. Средствомъ симъ почитаютъ требованіе отъ раскольниковъ, чтобы они, принимая священника, не совершали надъ нимъ такъ называемой исправы, т. е. мнимаго миропомазанія, или произнесенія проклятія на ереси, въ томъ числѣ и на Никонovu, т. е. на православную церковь^(а), чѣмъ они думаютъ очищать священника, приходящаго къ нимъ отъ нечистой по ихъ мнѣнію великороссійской церкви. Но не трудно предви-

(а) О предпочтеніи одного изъ сихъ двухъ образовъ исправы было у раскольниковъ соборище въ Москвѣ въ 1779 году. Полн. Историч. извѣст. о старообр. Ч. III.

дѣтъ, что раскольники или устранять отъ себя сіе требова-
ніе какимъ нибудь уклончивымъ отвѣтомъ, или хотя не отка-
жутся отъ онаго, но втайнѣ будутъ продолжать исправу, ко-
торую и нынѣ по возможности не допускаютъ до свѣдѣнія
начальства. Секта не бываетъ вполнѣ честна. Истина рели-
гіозная и нравственность суть лучи одного свѣта: гдѣ первая
смѣшена съ заблужденіемъ, тамъ нечиста и послѣдняя. Секта
своимъ недовольно свободнымъ положеніемъ думаетъ изви-
нить употребленіе въ свою защиту лукавства предъ прави-
тельствомъ. Могутъ возразить, что священникъ не долженъ
допустить падъ собою исправы. Но въ такомъ случаѣ ра-
скольники могутъ отослать его подъ какимъ-нибудь предло-
гомъ, или даже съ оклеветаніемъ, и нельзя поручиться, что
изъ множества священниковъ въ Россіи не найдутъ они по-
добныхъ нынѣшнимъ бѣглымъ, которые послѣдуютъ ихъ
прельщеніямъ: ибо и при апостолахъ бывали бѣды во лже-
братіи. Если такимъ образомъ исключительная мысль дать
раскольникамъ священниковъ съ устраненіемъ исправы ока-
зывается неудобноисполнимою, то остается въ полной силѣ
общая мысль, что не должно давать.

II. Но если предположить возможность устраненія испра-
вы, переходъ священника къ раскольникамъ съ тѣмъ, чтобы
не быть въ зависимости отъ іерархіи, чтобы зависть отъ
нихъ и ими быть судиму, чтобы царя не именовать Благо-
честивѣйшимъ или Благовѣрнымъ, не есть ли уже переходъ
священника въ расколъ?

III. Дать раскольникамъ священниковъ на выше изъяснен-
ныхъ условіяхъ нельзя иначе, какъ съ нарушеніемъ церков-
ныхъ правилъ. 39 правило апостольское говоритъ: «безъ
воли епископа своего пресвитери или діакони да не творятъ
ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни». Итакъ
отпустить къ раскольникамъ пресвитера для церковнаго

дѣйствованія независимо отъ епископа, значить поступить вопреки апостольскому правилу, значить ввести въ православную церковь лютеранскую стихію. Правило апостольское говорить: «моляйся съ отлученными самъ отлученъ да будетъ». Раскольники, очевидно, суть и отлучающіе сами себя, и отлученные отъ православной церкви; итакъ іерархія, отпустивъ священника молиться съ ними, сдѣлала бы и его и себя виновными противъ апостольскаго правила.

IV. Чтобы не оставить какой либо значительной стороны разсматриваемаго предмета не осмотрѣнною, предположимъ, что нѣкоторые скажутъ: священникъ можетъ, поступая къ раскольникамъ, не отрекаться въ сердцѣ отъ іерархіи и отъ вышеприведенныхъ церковныхъ правилъ, но только по наружности быть внѣ сношенія съ іерархіею и исполнять обряды раскольниковъ по снисхожденію къ ихъ предразсудкамъ. Это значило бы, что священникъ будетъ въ сердцѣ православнымъ, а въ глазахъ раскольниковъ и въ своихъ дѣйствіяхъ раскольниковъ, что онъ будетъ въ положеніи двусмысленномъ и двоедушномъ. Неужели не должно остеречься правительство, чтобы не направлять человѣка къ такому положенію и особенно служителя вѣры, который по Апостолу долженъ жить въ простотѣ, искренности и чистотѣ Божіей (2 Кор. 1, 12)?

Въ 1821 или 1822 году, правда, предположено было сдѣлать опытъ, послать къ раскольникамъ искусныхъ священниковъ, которые бы явились между ими не какъ посланные отъ церкви, но какъ бы пришедшіе къ нимъ по произволу и расположенные быть въ общеніи съ ними, и которые, войдя съ ними въ общеніе и снискавъ ихъ довѣріе, дѣлали бы имъ благопріятныя для православія внушенія. Благонамѣренность сего предположенія дала ему ходъ въ комитетѣ по дѣламъ раскольниковымъ и было составлено о семъ опредѣленіе, которое, между прочимъ, подписано было блаженныя

памяти митрополитомъ Серафимомъ и удостоено утвержденія въ Божѣ почившаго государя императора Александра Павловича. Но когда митрополиту Серафиму предоставлено было привести сіе въ исполненіе, онъ увидѣлъ, что сего нельзя согласить съ церковными правилами и съ свойственными служителямъ вѣры искренностію дѣйствованія, и предложилъ свое затрудненіе комитету. Комитетъ воспріялъ дерзновеніе представить государю императору объ отмѣненіи сдѣланнаго и утвержденнаго опредѣленія, и благочестивѣйшій императоръ на сіе соизволилъ, уважая ненарушимость церковныхъ правилъ и чистоту священноцерковнослужительской совѣсти.

И такъ нынѣшнее предположеніе о доставленіи раскольниковъ священниковъ принято было въ предшествовавшее царствованіе и отмѣнено какъ неудобоисполнимое. То, что теперь предполагается доставить раскольниковъ священниковъ не непосредственно отъ архіереевъ, но чрезъ руки гражданскаго начальства, не дѣлаетъ разности въ существѣ дѣла. Священники будутъ въ томъ двоедушномъ положеніи, въ которое не рѣшился поставить ихъ митрополитъ Серафимъ, и архіереи, если не захотятъ притворяться не понимающими того, что понятно, должны будутъ или осудить по правиламъ отходящихъ къ раскольниковъ священниковъ и слѣдственно дѣйствовать не въ смыслъ правительства, или остаться участниками нарушенія церковныхъ правилъ поупущеніемъ нарушенія оныхъ.

V. Дать раскольниковъ священниковъ на вышеизложенномъ основаніи нельзя безъ того, чтобы не произвести въ управленіи и законодательствѣ запутанностей и затрудненій, не являющихся исхода. Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ священникъ имѣетъ право совершать таинство брака; но власть прекратить дѣйствіе сего таинства, т. е. расторгнуть бракъ, принадлежитъ высшей іерархической степени епи-

скупа. Положимъ, что данъ раскольникамъ независимый отъ епископа священникъ и что къ нему приходитъ прихожанинъ по законной причинѣ просить расторженія брака. Что будетъ дѣлать священникъ? Вопросъ сей не разрѣшимъ. Ни съ чѣмъ несообразно было бы, дать раскольническому священнику власть епископскую, даже больше, потому что и епископъ не рѣшитъ расторженіе брака самъ собою, но испрашиваетъ синодальнаго разрѣшенія.

Положимъ, что раскольники возвратятъ епархіальному начальнику бывшаго у нихъ священника, признавая его негоднымъ. Какъ будетъ судить его епархіальное начальство? Безъ изслѣдованія положиться на обвинительный извѣтъ раскольниковъ было бы незаконно, а изслѣдованіе, которое по закону надлежитъ произвести духовному начальству, въ недоступномъ ему кругу раскольниковъ не возможно. Можетъ случиться, что раскольники за внушеніе, наклоняющее къ православію, составятъ скопище къ оклеветанію и обвиненію священника и сдѣлаютъ епархіальное начальство орудіемъ своего мщенія.

Раскольники сами требуютъ, чтобъ ихъ священники вели метрическія записки. Чаше или рѣже, но неизбежно случается, что метрическія записки оказываются невѣрными, а отъ сего подвергаются сомнѣнію права состоянія или права наслѣдства. Дѣла сего рода судить епархіальное начальство, но кто будетъ судить ихъ у раскольниковъ? Неужели учредится раскольническая консисторія? Кто будетъ утверждать ея рѣшенія? Притомъ же раскольники не любятъ консисторіи. Ихъ старѣйшины простолюдины любятъ составлять изъ себя управленіе между прочимъ и надъ ихъ священниками. Такимъ образомъ открывается, что учрежденіе у раскольниковъ особыхъ священниковъ, независимыхъ отъ архіереевъ, потребовало бы новаго законоположенія о церковнорасколь-

ническомъ устройствѣ и управленіи, во всякомъ случаѣ непримиримаго какъ съ правилами церковными, такъ и со Сводомъ законовъ.

VI. Раскольники, получивъ священниковъ, зависящихъ отъ ихъ самихъ и независимыхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, имѣли бы во многихъ случаяхъ выгоду предъ православными, потому что такіе священники своею зависимою отъ раскольниковъ были бы сильно понуждаемы угрожать имъ съ пренебреженіемъ церковныхъ правилъ и законовъ, къ чему вело бы и отсутствіе надзора отъ духовной власти. Такъ, напримѣръ, бракъ не совершеннolѣтній, или въ другомъ отношеніи неправильный, легче совершить чрезъ раскольническаго, нежели чрезъ православнаго священника. И такъ мысль, что въ старообрядческой вѣрѣ больше удобства для разныхъ мірскихъ случаевъ, была бы для невѣжествующихъ новымъ прельщеніемъ къ переходу въ расколъ, особенно при умноженіи священниковъ у раскольниковъ, и наоборотъ примѣръ зависимости священниковъ отъ мірянъ у раскольниковъ не распространялъ ли бы и въ православномъ народѣ расположеніе къ уклоненію отъ послушанія іерархіи и не ослаблялъ ли бы общей силы священноначалія?

VII. Если приведенныя доказательства защищаемаго мною мнѣнія справедливы, каковыми они должны быть, какъ основанныя на церковныхъ правилахъ и законахъ, то необходимо заключить, что доказательства противоположнаго мнѣнія могутъ быть только благовидны, а не строго справедливы, потому что два противоположныя мнѣнія не могутъ оба вмѣстѣ быть справедливыми.

VIII. Раскольники, стремясь къ неограниченной свободѣ дѣйствованія, стараются всякое ограниченіе ихъ дѣйствій представить въ видѣ притѣсненія и гоненія, и терпимость,

не остерегаемая справедливостію, можетъ склониться на сей образъ воззрѣнія. Но если смотрѣть со стороны справедливости, то возбуждающее жалобы дѣйствованіе правительства на раскольниковъ очень далеко отъ того, что въ древнія времена называли гоненіемъ. Если при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго поступлено съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ, и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовствовавшими въ Кремлѣ и въ самомъ дворцѣ, то это было укрощеніе мятежа, а не гоненіе. Если своевольно и противозаконно построенную раскольниковую часовню не позволяется починивать, а только позволяется терпѣть до разрушенія силою времени, это не гоненіе, а снисхожденіе въ томъ, что незаконное не разрушено тотчасъ. Если запечатываютъ часовню за то, что она вопреки существующему запрещенію перестроена, это не гоненіе, а неизбежное охраненіе закона, чтобъ онъ не былъ презираемъ. Если расколическаго священника берутъ къ суду за то, что совратилъ православнаго, это не гоненіе, а защищеніе господствующей церкви отъ сдѣланнаго на нее нападенія, и даже снисхожденіе въ томъ, что бѣглаго не преслѣдовали за побѣгъ, а прибѣгли къ правосудію надъ нимъ только послѣ новаго преступленія. Если не дадутъ раскольникамъ священниковъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, раскольники не могутъ на сіе жаловаться, потому что не имѣютъ никакого права требовать священниковъ отъ церкви, къ которой сами принадлежать не хотятъ. Если бы у церкви противъ ея правилъ взяты были священники и отданы были на произволъ раскольникамъ, наименованіе гоненія или стѣсненія было бы здѣсь болѣе у мѣста, нежели во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ; но это было бы не въ отношеніи къ расколу, а въ отношеніи къ церкви.

Можно здѣсь указать на взятіе у раскольниковъ нѣкото-

рыхъ монастырей и обращеніе въ единовѣрческіе; но если бы кто возымѣлъ мысль винить сіе дѣйствіе правительства, то онъ долженъ былъ бы обвинить многія подобныя дѣйствія благочестивыхъ защитниковъ православія; напримѣръ, онъ долженъ былъ бы обвинить императора Θεодосія и св. Григорія Богослова за то, что они отняли у Аріанъ главный константинопольскій храмъ и императоръ ввелъ въ него святителя подѣ охраненіемъ воиновъ, какъ о семъ сказываетъ самъ св. Григорій. Если бы кто изъ православныхъ самовольно построилъ монастырь и, безъ законнаго дозволенія, постригъ въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы сіе законная власть, какъ скоро узнала бы? Неужели только своеволие православныхъ должно прекращать, а своеволие раскольниковъ надлежитъ оставлять неприкосновеннымъ?

IX. Избыточествующая терпимость можетъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ приложить къ настоящему дѣлу то неотрицаемое правило, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено. Сводъ законовъ назначилъ приложенію сего правила справедливыя предѣлы. Онъ повелѣваетъ не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ религіозный образъ мыслей и приватное моленіе по ихъ обряду, но запрещаетъ публичное оказательство раскола и совращеніе православныхъ въ расколъ, оказывая чрезъ сіе защиту православной церкви. Предоставленіе раскольниковъ независимыхъ отъ іерархіи священниковъ, принадлежало бы не къ тому, что Сводъ законовъ допускаетъ, а къ тому, что онъ запрещаетъ. Не сильнѣйшее ли было бы оказательство раскола формальное учрежденіе у раскольниковъ священниковъ, принадлежащихъ раскольниковъ, а не іерархіи? Въ сравненіи съ совращеніемъ въ расколъ мірянина не большее ли пріобрѣтеніе для раскола составляетъ пріобрѣтеніе православнаго священника въ собственное распоряженіе раскольниковъ?

И если признано, что въ дѣлѣ вѣры и совѣсти не должно быть принужденіе, то сіе конечно не для однихъ раскольниковъ, но и для православныхъ. А не было ли бы то дѣйствительнымъ принужденіемъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, если бы потребовалось отъ православныхъ архіереевъ дать раскольникамъ священниковъ, не по всегдашнимъ правиламъ и чину церковному, но вопреки онымъ, если бы архіереи сдѣлались только поставщиками священниковъ для раскольниковъ и исполнителями наказаній надъ священниками, которыхъ раскольники найдутъ достойными осужденія?

Х. Могутъ представиться политическія соображенія, требующія того, чтобы по возможности удовлетворить раскольниковъ; но политическія соображенія не требуютъ ли и того, чтобы предоставленіемъ раскольникамъ вольностей, какихъ не позволяютъ церковныя правила и какихъ не имѣютъ православные, не нарушить мира церкви и не расстроить духъ православнаго населенія?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благоприятствовать стремленію раскольниковъ образовать изъ себя отдѣльное общество? А предоставить имъ въ ихъ распоряженіе священниковъ и общественный надъ ними судъ и формальное образованіе приходовъ, не значитъ ли благоприятствовать ихъ отдѣльности?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благоприятствовать усиленію господствующаго у раскольниковъ демократическаго начала, такъ какъ они дѣйствуютъ частію такъ-называемыми попечителями, самовольно избранными, частію такъ же самовольными совѣщательными собраніями, частію въ особенныхъ случаяхъ даже народными скопищами? Но дать имъ священниковъ въ распоряженіе ихъ общества ⁽⁶⁾,

(6) Въ какомъ отношеніи находятся у раскольниковъ священники къ старѣйшинамъ и обществу, о томъ свидѣтельствуеъ

независящихъ отъ іерархіи, не значить ли вновь благопріятствовать демократическому началу подчиненіемъ ему начала іерархическаго? Слово апостольское изъясняетъ состояніе христіанства чрезъ уподобленіе воинству. Теперь кстати будетъ воспользоваться симъ способомъ изъясненія для разсматриваемаго предмета. Еслибы военачальникъ, видя часть войска непокорною и притомъ нуждающеюся въ офицерахъ, и слыша желаніе непокорныхъ заимствовать себѣ офицеровъ изъ находящихся въ законномъ положеніи, съ изъятіемъ ихъ отъ законнаго начальства, кромѣ случая, когда непокорные возвращаютъ ихъ какъ негодныхъ, — согласился на сіе частію по надеждѣ, что вышедшіе изъ подъ власти офицеры приведутъ подъ власть непокорныхъ, частію по расчету, что недостойные офицеры разстроятъ общество непокорныхъ: какова была бы таковая политика? Была ли бы сообразна съ достоинствомъ законнаго начальства? Основательна ли и надежна? Не была ли бы предосудительна для дисциплины воинства, находящагося въ законномъ положеніи? Но такова точно была бы политика, которая дала бы раскольникамъ отъ духовнаго начальства священниковъ въ независимое отъ духовнаго начальства распоряженіе. Если для основанія новой политики въ отношеніи къ раскольникамъ ищется примѣръ въ томъ, что правительство глазами политики смотритъ на переходы цѣлыми обществами въ православіе такихъ людей, которые и послѣ своего обращенія остаются также, какъ и прежде, малосвѣдущими или несвѣдущими въ еван-

наблюденіе надъ симъ предметомъ его сіятельства г. москов. военнаго генералъ-губернатора; въ запискѣ его отъ 6 февраля 1849 года сказано: «довѣріе массы этой къ старѣйшинамъ своимъ до того неограниченно, что въ глазахъ оной священникъ, не взирая на санъ, свой есть лице второстепенное, которому они оказываютъ приверженность и уваженіе тогда только, когда соблюдаемые имъ обряды служенія одобряются старѣйшинами».

гельскомъ ученіи: то въ семъ случаѣ сравниваются предметы весьма разнородные, которыхъ потому сравненіе не обѣщаетъ надежныхъ заключеній. Притомъ, если разсмотрѣть внимательно политическій взоръ правительства, напримѣръ, на воссоединеніе съ православною церковію бывшихъ уніатовъ, взоръ сей оказывается чистымъ и прямымъ, политика сія не въ противорѣчіи ни съ церковными правилами, ни съ другими основаніями. Когда все высшее и почти все подчиненное уніатское духовенство, послѣ своихъ внутреннихъ совѣщаній и приготовленій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, и послѣ того, какъ оно, приготовляя и свои паствы къ воссоединенію, ввело уже въ своихъ церквахъ по древнему православному обычаю устроенные алтари и служеніе литургіи по чину и книгамъ, изданнымъ отъ Святѣйшаго Синода, наконецъ въ своемъ собраніи составило актъ о своей рѣшимости на воссоединеніе съ православною церковію и представило оный правительству: политика правительства, конечно, была довольна дѣломъ столь благопріятнымъ государственному единству, но также была довольна и тѣмъ, что дѣло сіе произошло съ такою церковною правильностію, какая только была когда-либо соблюдена въ подобномъ случаѣ. Еслибы то, что при семъ поселяне остались такъ же, какъ прежде, мало-свѣдущими въ христіанскомъ ученіи, почестъ заслуживающею обличенія уступкою истины политикѣ, то подобную вину надлежало бы возложить и на равноапостольнаго князя Владиміра, крестившаго Кіевлянъ, и на самаго апостола Петра, который послѣ одной рѣчи къ Іудеямъ о вѣрѣ Христовой тотчасъ крестилъ 3000 своихъ слушателей, утвердись, конечно, не на достаточномъ въ нихъ разумѣніи догматовъ, но на простомъ послушаніи вѣры.

Не такая уступка и совсѣмъ иная политика требуется для предлагаемаго доставленія священниковъ раскольникамъ. Если

ни приличіе, ни іерархическое достоинство не позволяютъ духовнымъ властямъ входить въ сношеніе съ раскольниками и назначать имъ поповъ, то какая же политика можетъ сіе исполнить, развѣ политика не обращающая вниманіе на приличіе и іерархическое достоинство, которая бы мимо законности взяла у духовныхъ властей священниковъ и отдала ихъ раскольникамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что такая политика не въ духѣ благочестиваго правительства російскаго.

XI. Съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, при избыточествующей вѣротерпимости, отпаденія отъ православія вообще умножились, и въ особенности расколы поповщинскій и безпоповщинскій возрасли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Въ настоящее царствование при ограниченіи терпимости справедливостію и предосторожностію, православіе приобрѣло отъ раскола, сколько извѣстно по отчетамъ духовнаго вѣдомства за 11 лѣтъ, 182,328 душъ, а всего во всѣ годы конечно не менѣе 200,000. При предполагаемомъ обезпеченіи раскола священниками безъ сомнѣнія вновь умножатся отпаденія ^(в). И особенно надлежитъ опасаться, что поколеблются единовѣрцы, недавно примиренные съ православною церковію. Будутъ ли умѣренно дѣйствовать раскольники, уже видно теперь. Предположеніе дать священниковъ раскольникамъ имъ уже извѣстно, но получивъ только надежду на дозволеніе принимать священниковъ, они свой выборъ не съ заштатнаго священника начали и не съ незнатныхъ церквей, но съ московскаго каѳедральнаго Архангельскаго собора, — саккеларія сего собора они пригласили быть священникомъ у нихъ на кладбищѣ.

(в) Особенно если у раскольниковъ будетъ и литургія, что вѣроятно допустить гражданская власть, имѣя въ своемъ распоряженіи священниковъ, и что возбранять не такъ удобно, какъ возбраняется бѣглымъ священникамъ.

Такимъ образомъ не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ, отъ гражданскаго начальства священниковъ, независимыхъ отъ начальства духовнаго.

Въ настоящее время по свѣдѣніямъ отъ знающихъ положеніе раскольниковъ Рогожскаго кладбища, въ значительномъ числѣ ихъ возникаетъ расположеніе, по смерти остающихся священниковъ, сблизиться съ православною церковію на существующихъ донинѣ условіяхъ и открывается надежда, что одни образуютъ на самомъ кладбищѣ единовѣрческую церковь, а другіе присоединятся къ общеправославной церкви. Сельскіе раскольники приглашаемые къ соединенію съ церковію, также не разъ отзывались, что ожидаютъ начатія сего отъ Рогожскаго кладбища. Ничто по моему мнѣнію не препятствуетъ правительству продлить свою твердость въ настоящихъ правилахъ его дѣйствованія, въ ожиданіи сего недалекаго предѣла времени и употребить стараніе воспользоваться онымъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ ^(а)

Возвращаемся къ вопросу о приличіи въ церковной живописи. Многое, что прекрасно и совершенно прилично какъ произведеніе искусства, — не удобно и не прилично въ церкви. Такъ, не можетъ быть допущено въ церкви произведеніе церковной живописи, несогласное съ канонами и обычаями церкви. Вотъ картина Рафаэля, на которой изображена св. Цецилія: святые на облакахъ поютъ по нотнымъ книгамъ подъ звуки музыкальных инструментовъ, и св. Цецилія (якобы изобрѣтательница органа) аккомпанируетъ имъ, или лучше уловляетъ звуки небесной гармоніи и передаетъ земному инструменту: — прекрасная картина, пожалуй икона для римской церкви, но странно было бы видѣть въ православномъ храмѣ святыхъ, поющихъ по нотамъ съ инструментами, потому что инструментальная музыка не принята нашею церковію. Въ латинскіе храмы собаки входятъ, и это никого не удивляетъ; но православный художникъ, рисуя Рождество Христово съ Корреджіевой картины («Ночь»), удалить съ перваго плана собаку, пришедшую съ пастырями. Ничто, напоминающее суету обыденной жизни съ ея мелочами и шумомъ, не должно входить въ икону: одна какая нибудь черта въ состояніи иногда разрушить въ православномъ благоговѣйное настроеніе. Вотъ наприм. картина Ан. Каррачи: *св. семейство* (иначе *Silence*). Младенецъ только

(а) См. сентябрьскую книжку.

что уснулъ, играя на рукахъ у матери; а другой ребенокъ, постарше, будить его, шевеля за ногу. Мать, приложивъ руку ко рту (silence!) говоритъ ему: «не трогай! не буди! сей-часъ уснулъ!» Это жанръ, а не икона ^(б). Вотъ еще картина Джуліо Романо: играютъ два прекрасныхъ мальчика; одинъ обливаетъ другаго водою (креститель); тотъ бросается на грудь къ своей матери, а бабушка припасла теплую пеленку покрыть окаченного малютку. Отецъ, молча, любитъ на эти забавы дѣтей. Прекрасная семейная сцена, но не икона! Къ сей часъ указаннымъ подходитъ по сюжету картина Анн. Караччи ^(в), гдѣ маленькій Предтеча показываетъ младенцу Іисусу щегленка. Впрочемъ возвышенная и строгая фигура Матери какъ-то стушевываетъ и заслоняетъ эту неудачную выдумку. Замѣчательно при этомъ, что фигура Богородицы имѣетъ на этой картинѣ точно такой же поворотъ и наклоненіе головы, какъ у насъ на иконахъ: «Неопалимая купина», «Нечаянная радость», «Отрада или утѣшеніе». Значитъ, наши старые иконописцы тоже не пренебрегали изученіемъ натуры, подмѣчали хорошую позу, хорошій жестъ. Подтвержденіемъ этому служить икона «Ярославской Б. матери». Для меня это тоже пожалуй жанръ, но прекрасный, возвышенный, строгій. Не смотря на обычные недостатки плохой иконописи сейчасъ замѣтна мысль перваго редактора этой иконы. Младенецъ, какъ будто въ какомъ-то грустномъ раздумьи, съ горячностью прижимается къ своей печальной матери. Эти нѣжныя и тихія ласки, это грустное, задумчивое выраженіе на лицѣ Матери, тревожимой мыслию о будущей судьбѣ младенца, и объ оружіи, которое пройдетъ душу ея, — все это придаетъ обыкновенной семей-

(б) Жанръ — genre — живопись обыденной жизни, житейскихъ мелочей и сценъ.

(в) Карг. Гал. Евр. 1864 № 2-й и № 11-й.

ной сценѣ отпечатокъ величія, тихой, возвышенной скорби. Такъ художникъ можетъ избѣгать обыденности, оставаясь естественнымъ, и не теряя натуральности, быть церковнымъ. Пусть примутъ это во вниманіе тѣ ригористы, которые въ суровости аскетическаго взгляда желали бы изгнать изъ церковнаго искусства все человѣчное. Напримѣръ икону Богородицы «Млекопитательницы» нынче пишутъ такъ, что не поймешь, почему ей дано такое названіе, между тѣмъ свимокъ съ подлинника, приложенный къ описанію Хиландарской Лавры ^(г), гораздо выразительнѣе оправдываетъ подпись, не оскорбляя однако нисколько чувства самыхъ строгихъ пуританъ. Не хороша вольность, лишняя свобода, но не справедливо и это уже слишкомъ изысканное приличіе, эта фарисейская чистота, трусливое цѣломудріе, которое готово «отъ иконы придти въ соблазнъ». Вотъ что говоритъ на это вышеупомянутый изографъ Іосифъ: «какъ же не страшишься ты, о недостойный, взиравъ на блаженные лики и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину и на самыхъ блудницъ взирая прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразное живописаніе разжигаться! Послѣднего безстрашія се помышленіе и конечнаго нечестія еже кому отъ иконъ соблазнитися! Тѣлесно, а не духовно они такъ помыслили въ своемъ неразумѣніи, злоба ослѣпила ихъ. О такихъ великій Павелъ вопіетъ: *ходяй убо по плоти плотская мудрствуетъ, ходяй же о дусѣ духовная*» ^(д).....

Впрочемъ, откровенно говоря, вышеупомянутыхъ нарушеній церковнаго приличія нечего опасаться отъ нашихъ иконописцевъ. Почему? Потому 1), что они рисуютъ не своего изобрѣтенія иконы, а копируютъ стародавнія компо-

(г) Краткая исторія Славяно-сербс. Хиландарской Лавры. С. Петербургъ 1862.

(д) Рус. Вѣст. 1858, іюль. Кн. 2-я.

зиціи старинныхъ мастеровъ. Эти освященные давностію образцы никого уже не поражаютъ, даже въ такомъ случаѣ, когда они и могли бы показаться иному и не совѣстными, какъ напримѣръ ангелы, бьющіе сатану молотами по головѣ, на иконѣ «Сошествія во адъ»; потому во 2-хъ, что лица и позы у иконописцевъ лишены почти всякаго выраженія, экспрессіи, типичности и характера. Женщинъ у сельской живописи почти нѣтъ. Нѣтъ ни молодыхъ, ни старыхъ, ни красивыхъ, ни дурныхъ; лицо у всѣхъ совершенно одинаково, лѣта не опредѣленны, есть разница лишь въ одѣянніи. Такимъ образомъ Богоматерь у яслей и у гроба Сына своего рѣшительно одинакова ^(е). Скажутъ: это означаетъ, что Она *Приснодѣва*. Но зачѣмъ же и Анна пророчица (Срѣтеніе) и Елисавета (Цѣлованіе Маріино), и мѣроносицы (Положеніе во гробъ) всѣ рѣшительно однихъ лѣтъ? Касательно мѣроносицъ возражаютъ словами пѣсни церковной — *мѣроносицы дѣвы*. Это выраженіе не собственное, переносное. Между ними числятся Іоанна жена Хузаня, и Саломія, мать Іакова и Іоанна Богослова и пр ^(ж). Слѣдовательно выраженіе *дѣвы* намекаетъ скорѣе на то, что эти святые жены составляли нѣчто въ родѣ женской общины въ первенствующей церкви, священный первообразъ позднѣйшихъ женскихъ общинъ, обителей инокинь.... Здѣсь кстати замѣтимъ: неизвѣстно, на какомъ основаніи принято въ западной живописи изображать Магдалину въ цвѣтущемъ юномъ возрастѣ. Сходнѣе съ обстоятельствами и правдоподобнѣе полагать, что Магдалина и прочія ея *дружки*, были личности, перешедшія уже за черту

(е) Въ Нижегородскомъ ярморочномъ соборѣ, на запрестольной иконѣ «Положеніе во гробъ», Богородица изображена грубою старушкой. Оно такъ и должно быть, если принять во вниманіе обстоятельства Ея жизни, лѣта Спасителя, и особенности жаркаго климата Іудеи.

(ж) Цвѣтная Тріодь, Синаксарь въ нед. Мѣроносицъ.

молодости ⁽³⁾. Взгляните, кто у насъ любитъ молиться, когда уже обѣдня кончилась, слушать благочестивыя и назидательныя бесѣды, хотя бы говорилъ какой-нибудь прохожій, странникъ?—Старушки. Это понятно: когда всѣ земныя чувства и желанія минули, нашли свой законный исходъ, или погасли съ лѣтами, остается въ душѣ одинъ немолчный голосъ, голосъ о вѣчности, о жизни за гробомъ: *это скорбь по Богу, тоска по небу!* Когда все земное или опротивѣло, или обмануло, когда всѣ земныя радости или прошли, или принесли горечь разочарованія, житейскія тревоги и заботы утомили душу, и замолокъ нестройный шумъ и говоръ потребностей жизни,—этотъ тихій и скорбный гласъ, зовущій къ покаянію и покою, становится явственнѣе и слышнѣе, какъ воздыханія горлицы въ молчаливомъ лѣсу, когда валяются съ него пожелтѣлыя листья... *Кто дастъ ми крыль яко голубинь?*... (Пс. 54, 8) вопрошаетъ душа, утомленная шумомъ и тревоженіями удалившейся жизни и слышитъ въ сердцѣ отвѣтъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися* (т.е. печальные) *и обремененніи*... (Матѳ. 11, 28).

Помянувши нѣсколько разъ выше объ экспрессіи, объ выраженіи, почитаемъ нужнымъ здѣсь остановиться не надолго на этомъ предметѣ. У сельскихъ иконописцевъ низшаго разряда лица и позы на изображеніяхъ не имѣютъ рѣшительно никакого выраженія. Будь изображено радостное событіе, будь печальное, лица одинаково натянуты, положенія фигуры всегда связаны. Разсмотрите базарной работы икону «Положеніе во гробъ». Всѣ присутствующіе однообразно сплеснулись руками, какъ будто говоря: «ахъ Боже мой! Представьте что случилось!» Разсмотрите: «Входъ во Іерусалимъ»,—какъ будто процессія тѣней! Ни апостолы не выражаютъ радости, ни

(3) Удобнѣе, имѣя въ виду и раскольниковъ и Ренанистовъ.

стоящіе во вратахъ фарисеи не показываютъ ни вражды, ни ненависти. Лучшіе представители владимірской иконописи уже придаютъ лицамъ выраженіе, которое удачно характеризовано названіемъ *умильности*. Это выраженіе придаетъ на иконахъ удивительную красоту свѣжимъ юношественнымъ фигурамъ: ангеламъ, мѣроносицамъ, юнымъ мученикамъ; но тутъ опять бѣда: всѣ лица страдаютъ умиленіемъ, — умиляется Иродъ на тронѣ, глядя какъ умильные воины истребляютъ невинныхъ младенцевъ; умильно прободаетъ воинъ ребра Распятаго.....

Живописцы страдаютъ (особенно посредственные) противоположнымъ недостаткомъ: они нерѣдко преувеличиваютъ, *пересаливаютъ* выраженіе, впадаютъ въ театральность, въ мелодраматизмъ, въ напыщенность. Гдѣ нужно изобразить негодованіе, у нихъ выходитъ ярость, гдѣ требуется изумленіе, является ужасъ; вмѣсто скорби полное отчаяніе! Все это еще менѣе соотвѣтствуютъ спокойному величію храма, чѣмъ неподвижныя фигуры иконописанія. Пишущему удалось видѣть въ одной церкви Матерь, стоящую у креста, съ такимъ выраженіемъ усиленной горести, чтобъ не сказать отчаянія, въ лицѣ и жестѣ рукъ, что она какъ будто упрекаетъ небеса....^(и)

(и) Это въ соборѣ извѣстнаго с. Лыскова на Волгѣ. Впрочемъ на замѣчаніе объ этомъ указали пишущему слова прекраснаго канона на повечеріи въ вел. Пятницу: «гдѣ, Сыне мой и Боже, благовѣщеніе древнее, еже ми Гавріиль глаголаше? Царя ты, Сына и Бога вышняго нарицаше; нынѣ же вижу Тя, Свѣте мой сладкій, нага и узавена мертвеца! Едину надежду и животъ. Владыко, Сыне мой и Боже, во очію свѣтъ раба твоя имѣлъ, нынѣ же лишена быхъ Тебе, сладкое чадо мое и любимое. Не изглаголеши ли рабъ твоей слова, Слове Божій? Не ущедриши ли, Владыко, Тебе родшую?... Ни отъ гроба Твоего возстану, чадо мое, ни слезы точащи престану раба Твоя, дондеже и азъ сниду во адъ: не могу бо терпѣти разлученія Твоего, Сыне мой!

Даже языческіе древніе художники поступали въ этомъ случаѣ лучше позднѣйшихъ христіанскихъ живописцевъ. По замѣчаніямъ знатоковъ, на всѣхъ лучшихъ изваяніяхъ древности выраженіе, приличное случаю, всегда растворено олимпійскимъ спокойствіемъ, смягчено миромъ творческаго духа. Даже на такихъ трагическихъ композиціяхъ: какъ Умирающій гладиаторъ, Ніоба съ дочерью, Лаокоонъ, Казнь Дирсеи (Фарнезскій быкъ), художники, создавшіе эти чудеса искусства, щадили нервы зрителя, набросили на лица покровъ мертвеннаго оцѣпененія, тишины смертнаго покоя...

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ иконописцы, чтобы выражать почтеніе къ изображаемымъ ими личностямъ, отличить ихъ отъ рядовыхъ смертныхъ, и указать зрителю настоящій предметъ поклоненія. Это: подножіе или подушка, умаленіе второстепенныхъ лицъ и вѣнецъ или сіяніе (нимбъ, ореолъ).

Когда извѣстное лицо изображается въ своемъ идеальномъ значеніи, отрѣшенное отъ земной обстановки, то конечно нечего возражать противъ употребленія подушки или подножія. Когда наприм. Спаситель изображается съ Евангеліемъ и благословляющею десницею, одиноко стоящій среди золотого фона на бархатной подушкѣ съ позументами и кистями, или Богородица, сѣдѣющая на золотомъ престолѣ, съ золотою скамеечкою подъ ногами,— тутъ нѣтъ ничего неумѣтнаго; но коль скоро иконописецъ вводитъ эти аксесуары въ среду несогласной съ ними исторической обстановки какого ни

Радость мнѣ о Тебѣ николиже прикоснется; свѣтъ мой и радость моя во гробъ зайде: но не оставлю Его единого, здѣсь-же умру и спогребуся Ему!... (Твореніе Симеона Логовита). На картинѣ Давіаля Вольтерры *снятіе со креста*. Она въ судорогахъ и въ обморокѣ лежитъ поперекъ картины и занимаетъ весь передній планъ.

будь библейскаго событія, — это производитъ непріятный диссонансъ. Когда наприм. на иконѣ Благовѣщенія Приснодѣва изображается на тронѣ и съ подножіемъ, или на иконѣ Троицы подъ ногами странниковъ виднѣются золотыя скамейки: это разрушаетъ историческую правду и простоту того быта, среди котораго совершались помянутыя событія. Развѣ притомъ зеленая мурава хуже скамейки, наведенной золотомъ, для того, Кому небо престолъ, а земля подножіе ногъ Его? Назаретское событіе еще торжественнѣе при бѣдной обстановкѣ!

Тоже надобно сказать и объ умаленныхъ фигурахъ: примѣръ по сторонамъ Спасителя изображаются въ умаленіи колѣнопреклоненные Зосима и Савватій, или на иконѣ Троицы Авраамъ и Сарра изображаются карликами, пигмеями.... Подобный приѣмъ встрѣчается, правда, въ глубокой древности; наприм. на стѣнахъ египетскихъ храмовъ виднѣются картины такого рода: Фараонъ, стоящій на колесницѣ, пускаетъ въ непріятеля стрѣлы, и каждая стрѣла пронзаетъ разомъ по нѣскольку маленькихъ воиновъ.... Минерва Парѳенонская и Юпитеръ Олимпійскій держатъ на ладони маленькихъ викторій (богиня побѣды). Отъ классическаго искусства этотъ мотивъ могъ перейти и въ христіанское. Въ Словарѣ христіанскихъ древностей Мартини можно видѣть нѣсколько снимковъ съ древнихъ саркофаговъ, гдѣ повторяется этотъ приѣмъ; наприм. на картинахъ: «Просьба хананеянки, исцѣленіе двухъ слѣпцовъ, исцѣленіе разслабленнаго» — хананеянка, слѣпцы, разслабленный изображены въ миниатюрномъ видѣ. Не смотря на такую почтенную древность — эта манера все таки не естественна и подражать ей не видится нужды. Вѣдь духовное величіе не опредѣляется вершками и аршинами. Если принять этотъ методъ за всеобщій для церковнаго искусства, то на иконѣ Введенія во храмъ придется написать первосвящен-

ника меньше вводимой Отроковицы, или на изображеніи битвы Давида съ Голиафомъ, — Голиафа карликомъ, а Давида великаномъ.

Свѣтовое украшеніе, котораго разные виды называются вѣнцомъ, сіяніемъ, ореоломъ, нимбомъ, въ иконописи имѣть разныя формы.

1) Когда Господь Саваоѣ или Спаситель изображается сѣдящимъ на облакахъ, то сіяніе простирается во всѣ стороны отъ фигуры по красноватому фону золотыми волнистыми линіями. Это украшеніе должно производить ослѣпительный эффектъ, еслибы воспроизвести его блестящею мозаикой, на большой плоскости и на значительномъ отдаленіи, напр. въ куполѣ или въ глубинѣ алтаря. Это какъ будто наглядное изображеніе колебаній ээира, производящихъ свѣтотыя волны. Эти волны золота напоминаютъ собою молніи Синая и пламень Хорива. «Приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его.... и летѣ, летѣ на крилу вѣтрени. Отъ облистанія предъ Нимъ облацы проидоша: градъ и угліе огненное. И возгремѣ съ небесе Господь и Вышній даде гласъ Свой. Ниспосла стрѣлы и разгна я, и молніи умножи и смяте я (Пс. 17, 10—15.) Богъ славы возгремѣ, Господь на водахъ многихъ. Гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣшіи, гласъ Господа сокрушающаго кедры, и стрыетъ Господь кедры ливанскіе и иствитъ я.... (Пс. 28, 3—6.).

2) На иконахъ Воскресенія, Преображенія и Вознесенія Господня, а также на иконѣ Богородицы «Всѣхъ скорбящихъ радости», сіяніе изображается тоже кругомъ всего лица, но имѣетъ ясно ограниченную форму овала, или заостренной арки (огивы). На иконѣ Преображенія внизъ исходятъ еще три коническихъ луча.

3) Сіяніе вокругъ главы Господа Саваоѣ имѣетъ видъ треугольника (большею частію у живописцевъ), или осьми-

конечной звѣзды (около Духа Святаго тоже), а у всѣхъ прочихъ священныхъ изображеній видъ золотого круга или щита. Этотъ кругъ дѣлается или весь сплошной-свѣтлый, или только край его обводится золотою, либо какой-нибудь цвѣтною полоской, или въ видѣ разсыпающихся золотыхъ лучей, или наконецъ въ видѣ сплошнаго свѣтоваго круга болѣе тусклаго къ краямъ, — какъ обыкновенно дѣлается у живописцевъ.

4) На иконахъ, писанныхъ съ западныхъ образцовъ, или на подобіе ихъ, — или вовсе нѣтъ сіянія, или есть вмѣсто него продолговатый кругъ надъ головою, намѣченный легкою чертою, въ видѣ лежачей буквы: о.

5) Сіяніе надъ головою Моисея живописцы дѣлають въ видѣ двухъ лучей или сноповъ свѣта, идущихъ отъ темени. Вънецъ Спасителя и въ восточной и въ западной живописи раздѣляется пересѣченіемъ лучей, идущихъ отъ темени и ушей, и напоминаетъ крестъ, стоящій какъ будто за головою изображенія. На этихъ линіяхъ, изображающихъ страданія и униженіе, обыкновенно дѣлается надпись ѿ ѿмъ, сый — исповѣдующая присносущную славу Того, кто *вмѣсто предлежащія Ему радости крестъ претерпѣ о срамѣхъ не радивъ, одесную же престола Божія сподѣ* (Евр. 12, 2.).

Древне-христіанское искусство не употребляло нимба, за немногими исключеніями, о которыхъ сказано будетъ ниже, до тѣхъ поръ пока христіанство не восторжествовало надъ язычествомъ ⁽¹⁾. И это не единственный примѣръ молчалива-

і) Обычай украшать головы боговъ и героевъ лучами вѣроятно произошелъ сначала на востокѣ, гдѣ издавна укоренилось поклоненіе свѣтиламъ (сабеизмъ), и цари именуются сынами небесъ, братьями солнца и луны и т. д. На картинѣ Каульбаха «Столпотвореніе вавилонское» видны кумиры, отъ явленія Бога падающіе съ своихъ пьедесталовъ: около головъ у нихъ грубо изваяны вънецъ изъ лучей. Надъ головою Горуса и другихъ египетскихъ божествъ виднѣется дискъ, символъ свѣта, вѣчности,

го протеста возникающей религіи къ отживающему суевѣрію и дряхлой гражданственности. И сами христіане до тѣхъ поръ не носили на головѣ цвѣточныхъ вѣнковъ, пока это былъ языческій обычай; они не хотѣли и въ этомъ уподобляться врагамъ своимъ: носили вѣнки вмѣсто ожерелья на шеѣ^(к). Убирать мертвыхъ цвѣтами они тоже не хотѣли до тѣхъ поръ, пока это обыкновеніе могло уподоблять ихъ язычникамъ^(л). Изнѣженные щеголи временъ Имперіи носили длинные, вьющіеся, надушенные, пудренные волосы *more Graecorum*, по греческой модѣ: христіане носили коротко остриженные волосы, какъ современники Цинцинната, когда Римъ былъ великъ добродѣтелями и простотою нравовъ^(м).

божественности. Греко-римское искусство тоже украшало лучами лики боговъ, откуда выраженіе *radiatum caput*.

(к) Объ этомъ говорить Минуцій Феликсъ въ своемъ апологетическомъ сочиненіи «Октавій». Кстати замѣтимъ: на иконѣ 40 мучениковъ Севастійскихъ обыкновенно изображаются въ вѣнцѣхъ вѣнцы *золотые*, въ родѣ царской или княжеской короны. это украшеніе мало извѣстно было древнему греко-римскому міру. Консулы, триумфаторы и пр. носили лавровый вѣнокъ; на пирахъ надѣвались вѣнки изъ миртъ и розъ и т. д. На изображеніи св. мучениковъ Абдона и Сеннека (въ словарѣ Мартини на 1-й страницѣ), Спаситель возлагаетъ на головы ихъ цвѣточные вѣнки. По свидѣтельству Георгія Кедрина, Константинъ Великій первый изъ цезарей началъ носить корону, въ родѣ нынѣшней царской, украшенную драгоценными каменьями, подражая въ этомъ царю Давиду. Принимая все это во вниманіе, кажется, сообразнѣе съ обстоятельствами и временемъ событія писать надъ Севастійскими страдальцами побѣдные вѣнцы изъ лавровъ, или радостные вѣнки изъ розъ, или вѣчные изъ иммортелей. «Вѣнцы нетлѣнными *увлзостеся*»,— самое слово показываетъ, какіе вѣнцы употреблялись въ древности.

(л) Живоп. Обоз. Т. IV, кладбище въ Вирфинѣ.

(м) Вотъ отъ чего на иконахъ мучениковъ, даже и такихъ, которые не принадлежали къ воинскому званію, у иконописцевъ мы видимъ почти постоянно коротко подстриженные волосы.

Даже землекопы, проводившіе подземныя галлерей катакомбъ (fossorae), наткнувшись на языческую могилу (columbarium), закладывали отверстіе корридора и вели мину въ другую сторону. Когда христіанство побѣдило и нечего было бояться схода съ язычниками, взошли въ употребленіе и цвѣты, и длинныя волосы, и многое другое. Тогда же стали украшать священныя изображенія лучами и нимбомъ.

Впрочемъ въ первоначальномъ употребленіи нимбъ не составлялъ исключительной принадлежности святыхъ. Все достойное почтенія, возвышенное, знаменитое, отличалось нимбомъ. И поэтому нимбъ можно видѣть не только на святыхъ, но и на символическихъ животныхъ, изображающихъ четырехъ евангелистовъ, и на феникѣ (символъ воскресенія), и на Юстиніанѣ, и на императрицѣ Теодорѣ, и даже на Продѣ; нимбомъ украшены фигуры Траяна на барельефахъ триумфальной арки Константина, Антонинъ-Благочестивый — на медаляхъ, олицетворенія городовъ (напримѣръ Гаваонъ — въ сборникѣ общества древне-русскаго искусства), провинцій, добродѣтелей. Только нимбъ не святыхъ, по большей части, чѣмъ нибудь отличался отъ нимба святыхъ: либо дѣлался некруглый, а четвероугольный, либо вмѣсто желтаго имѣлъ цвѣтъ красный, голубой и т. д.

Василій Великій носилъ тоже коротко подстриженные волосы (см. Сказанія о внѣшнемъ видѣ св. мужей и женъ, арх. Порфирія въ журн. Труды кіевской д. академіи 1867 г. январь). Благодарность поэтому тѣмъ смиреннымъ труженикамъ, которые, немудруя лукаво, буквально копируютъ старыя образцы. Они и сами не подозреваютъ, что ихъ работы въ иномъ случаѣ ближе къ археологической и исторической правдѣ, чѣмъ произведенія кисти, можетъ быть болѣе искусной, но и болѣе самонадѣянной и вольной. Скалы на иконѣ Троицы, atrium на иконѣ Благовѣщенія, хоры (гинекеи) на иконѣ Покрова и т. п., все это подтверждается изученіемъ мѣстности, времени и обычаевъ, современныхъ данному историческому событію.

Употребленіе сіянія не обусловливалось, повидимому, никакими опредѣленными правилами. Лики Спасителя и Богородицы являются въ этомъ украшеніи, хотя очень рѣдко, уже въ половинѣ третьяго вѣка. Но въ церкви Констанцы, построенной по повелѣнію Константина, Господь и апостолы изображены безъ сіянія. Въ церкви св. Агаѳи въ Равеннѣ (около 400 г.) Спаситель въ вѣнцѣ съ крестообразнымъ раздѣленіемъ, но безъ надписей. Въ церквахъ Маріи Великой (433), Назарія и Кельсія въ Равеннѣ (440) — Христосъ и апостолы въ вѣнцахъ; въ церкви св. Агаѳи въ Римѣ (472) Господь въ вѣнцѣ, апостолы безъ вѣнцовъ; въ церкви Космы и Даміана (530) Агнецъ безъ вѣнца, ангелы въ вѣнцахъ, а въ другомъ мѣстѣ той же церкви ангелы и апостолы въ вѣнцахъ, Косма и Даміанъ — безъ нимба. Въ церкви св. Андрея въ Римѣ (643) Христосъ въ крестообразномъ вѣнцѣ, апостолы безъ сіянія и т. д.

Соображая все вышесказанное о нимбѣ, читатель вѣроятно придетъ къ тѣмъ же заключеніямъ, на основаніи историческихъ данныхъ, къ какимъ приходимъ мы:

1) Вѣнецъ не есть необходимая принадлежность иконы святаго. Можно поклоняться лику и неокруженному сіяніемъ, коль скоро мы знаемъ кто изображенъ (отсюда, между прочимъ, необходимость надписей).

2) Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ лишать безъ нужды лики святыхъ того отличительнаго украшенія, которымъ церковь привыкла издавна отличать ихъ отъ обыкновенныхъ людей.

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда на иконѣ встрѣчаются святые, такъ сказать, нѣсколькихъ разрядовъ или степеней, можно дѣлать между ними различіе посредствомъ разницы вѣнцовъ. Напримѣръ, на иконахъ Успенія, Тайной Вечери, Положенія во гробъ — можно главу Спасителя и Богородицы окружить золотымъ сіяніемъ, а главы апостоловъ только зо-

лотою полоскою въ видѣ круга, а ангеловъ отличить италіянскимъ дискомъ. На иконѣ Введенія Богородицы во храмъ, главу Богородицы окружите лучами, главы Іоакима и Анны золотыми кругами, главу первосвященника — золотою полоской. Такое употребленіе вѣнца можно разнообразить до безконечности.

4) На иконахъ многочисленныхъ, напримѣръ, Боголюбской Богородицы или Входа въ Іерусалимъ и т. п., вѣнцы переднихъ фигуръ заслоняютъ лица заднихъ, или позволяютъ видѣть на нихъ только носъ, темя и пр. Для избѣжанія этого неудобства въ такихъ иконахъ лучше употреблять или круговую полоску или эллиптическій дискъ, носящійся надъ главою фигуры.

Свящ. В. Владимірскій.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ БУДЕТЬ.)